

РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А. В. Чернецов

«ЧАСТЬ С ЧАСТЬЮ, КОСТЬ С КОСТЬЮ»

(рецензия на книгу «Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в.» (составление, подготовка текстов, статьи и комментарии А. Л. Топоркова). М., 2010)¹

Перейдем ко второй части книги «Заговоры из рукописей XVII в.».

Упоминаемые на с. 315 «старые дети сватовя» (т. е. «сватовья, сваты»), по-видимому, указание на то, что данный заговор мог использоваться на свадьбе.

На с. 316 упоминаются торока. На с. 376 сказано, что это «тесьма на пряжках сверх седла или попоны; верхняя подпруга». По моим сведениям, торока — ремни для приторочивания к седлу клади, ремни и веревки, на которых всадник тащит за собой связанного пленника. «Едет Илья Муромец, а в тороках ведет нашего батюшку (Соловья Разбойника)»². «Если заварится общая, европейская война; то право, буду сожалеть о своей женитьбе, разве жену возьму в торока» (Письмо А. С. Пушкина П. А. Вяземскому от 14.08.1831 г.).

«Ускрести плоти и добыти крови» в тексте, сопровождающем любовный заговор на с. 317, имеет близкую аналогию из судебного дела 1732 г. («с ладони наскрести плоти... из мизинца... упустить крови»)³.

Заговор на с. 326 получил в книге заглавие «От дны». Это заглавие правильно относит данный текст в генетическом плане к группе заговоров от *yster'ы* (дны). Однако в тексте заговора упоминается иной субъект — «пуп» (очевидно, речь идет о пупочной грыже). На следующей странице наличествует еще один заговор, имеющий аналогичное происхождение; на этот раз он фигурирует как заговор от (болезни) желудка.

На с. 335 в тексте любовного заговора представлена фантастическая анатомия женского тела «в ее тело белое б, во все семьдесят суставов... в ее жилу в длинную». Скорее всего, описание механически перенесено с описания мужского тела, причем исходное значение «длинной жилы» — *renis*. Ср.: «вяли руки, вяли ноги, вяло тело, вяло тридевять жил и составов, вяла блудная жила белой (*renis*)»⁴. Ср. также другой любовный заговор в рассматриваемой публикации, где анатомия женского тела описывается более реально: «жилы и суставы ножные и ручные, вси 70 жил, 3, 2 и первую жилу проходную... состав зугибной (т. е. «сугубый, двойной») проходной» (С. 370). В современном коммерческом издании заговоров находим курьезный

¹ Окончание, начало см.: № 3 (41). С. 85–104.

² Былины в двух томах / Подг. текста В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов. М., 1958. Т. I. С. 235.

³ Отреченное чтение в России XVII–XVIII вв. / Отв. ред. А. Л. Топорков и А. А. Турилов. М., 2002 (далее — ОЧ). С. 131.

⁴ Там же. С. 121.

случай использования выражения «полое место» для обозначения половых органов мальчика⁵. Исконное значение словосочетания «полое место» можно видеть в сборнике заговоров 1734 г., где ему противопоставляется «становая жила»⁶.

На с. 338 упоминается «камень калмык». Скорее всего, это ошибка, повторение созвучных слов. Вероятно, в исходном тексте находилось архаичное и малопонятное «камы» или «камык», в дальнейшем оно было дополнено понятным «камень», а исходное слово сохранилось на месте и подверглось искажению (возможно, было переосмыслено).

На с. 339 находим глагол «ерькает», который А. Л. Топорков рассматривает как наделенный эротической символикой. С этим можно только согласиться и указать в качестве примера характерную загадку про брусок для заточки косы: «Ерки-ерки, да опять в портки»⁷.

На той же странице находим частично утраченный текст: «Каково тошно, таково горко ...бному бревну от верхнево». По-видимому, не полностью сохранившееся слово следует читать как «исподному».

На с. 340 упомянуты четыре московских чудотворца. Последний из них в комментарии на с. 396 отождествляется с Филиппом, занимавшим митрополичью кафедру в 1465—1473 г. Однако этот митрополит не почитался в качестве святого, а тем более в числе всея России чудотворцев. В рукописи речь идет о Филиппе II (Колычеве), занимавшем кафедру в 1566—1569 г.

На с. 341 находим малопонятное «зрак в свою мать землю». Смысл проясняется при сравнении с текстом ВУ «Поди, железо, во свою мать, в землю... из драк(и) древо в листь...»⁸. Далее в ОС читаем (в списке предметов вооружения) «от стеры». Ср. Сибирский сб. XVIII в. «тела его от стрьреню (очевидно, “от стрел”) не окровавите»⁹ и тот же ВУ «острем тела (испр. из “о стрела”) его не окровавите»¹⁰. Создается впечатление, что характерные описки «кочевали» из одного сборника заговоров в другой (это заставляет думать, что число таких рукописей было ограниченным).

На с. 345 приводится необычно пространный список возможных субъектов вредоносной магии «от кота и от кошки, и от котят (!), и от свиньи, и от поросят, и от собаки, и от щенят, и от всякой птицы и всякого зверя». На с. 542, среди потенциальных носителей вредоносной порчи фигурирует еще один необычный персонаж — маленький ребенок в зыбке (колыбели).

В примечании к с. 347 на с. 401 неточно цитируется церковнославянский текст евангелия (Мт. 5: 37): должно быть не «лихою», а «лишше».

На с. 356, в заговоре от вражеского оружия, читаем: «от всякого огненно бою, и железа, и лунного». Очевидно, вместо «лунного» следует читать «лучного (бою)». В том же заговоре фигурируют «кулицы» (что на с. 408 переводится как «непригодный лес»). Это, видимо, описка, вместо архаичного «сулицы» — «(метательные) копыя, дротики».

На с. 357 упоминается «цевье» самопала, что на с. 408 переводится как «ручка, рукоять». В данном случае речь идет, несомненно, о прикладе.

На с. 358 упоминается «затравошный» порох, что переводится как «самый мелкий». Вероятно, нужно было объяснить, что прилагательное происходит от «затравка» — порох, насыпанный на полку кремневого огнестрельного оружия (см. с. 729), часть огнестрельного оружия, запал.

На с. 367, 369 и др. упоминается змея-скорпия (скоропея). Следовало указать, что в данном случае к числу змей ошибочно приписано ядовитое паукообразное (скорпион), греческое название которого не было правильно понято русскими книжниками (и в таком значении перешло в фольклор).

⁵ Степанова Н. И. Большая книга заговоров. М., 2002. С. 97.

⁶ Покровский Н. Н. Тетрадь заговоров 1734 г. // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 266.

⁷ Рыбникова М. А. Загадки. М., 1932. С. 341.

⁸ ОЧ. С. 182.

⁹ Там же. С. 259.

¹⁰ Там же. С. 186.

Третья часть рецензируемой книги озаглавлена «Заговоры из рукописей XVIII в.».

Заговор 3 на с. 426 получил в публикации заглавие «От порчи». Заглавие соответствует тексту заговора, однако в рукописи он озаглавлен «Молитва на промысль мережам...», т. е., очевидно, использовался в качестве промыслового.

На с. 427 находим молитвенную формулу «Да воскреснет Бог и расточатся (а не «разыдутся») врази его», что свидетельствует о «никонианской» конфессиональной принадлежности писца. Ср. «разыдутся» на с. 439.

Пространный заговор на с. 430–432 по не вполне ясной причине назван «апокрифической статьей». А. Л. Топорков пишет, что «в жанровом отношении [данный] текст представляет собой “видение”» (С. 556). На это можно возразить, что любой заговорный текст, включающий, например, упоминание некоего персонажа, занятого каким-то делом или держащего в руках те или иные предметы, также может (и должен) рассматриваться как видение. Напомню, что мифологические мотивы гимнов Ригведы представляют собой видения, «зрелища».

На с. 435 читаем: «птица перед соколом въ грозе». Очевидно, это испорченный текст типа «аки что перед соколом дрозды»¹¹. Есть этот мотив и в заговорах, опубликованных в рассматриваемой книге (С. 469). Ср. еще один вариант дефектного чтения данной формулы: «Аз был бы, аки сокол перед гроздием»¹². На с. 707 рецензируемой книги встречается еще более искаженная версия: «сокол перед святыми дверми святых отец».

С. 436: шестопер — подобие булавы с шестью рубящими лопастями (см. также с. 701).

На с. 438 читаем: «И оборочюся (надо «оборонюся») аз, раб Божий имрок, сковородою железною. Как сковородник воротится ушима к сковороде, так и ты, государыня Пресветая Богородица, защичивай меня...». В существующих параллелях к этой формуле Богородица выступает в более активной форме: «Святая государыне Пречистая Богородице, защичивай меня, государыне (своею) сковородою железною. Как сковородник...»¹³.

На с. 440 фигурирует ангел Помогаил. Это, несомненно, русское, во всяком случае, славянское измышление с прозрачной этимологией, связанное с глаголом «помогать». Напомню про ангелов из опубликованного А. А. Туриловым Сибирского сборника 30-х годов XVIII в. — Посмотрела, Воротила и Пострелила, чьи имена образованы по аналогии с с формой третьего лица единственного числа прошедшего времени глагола¹⁴. Еще одно ангельское имя с прозрачной этимологией — Водаил («напоение водою Водаила»¹⁵). Некоторые нетрадиционные имена ангелов в русских заговорах имеют неясную этимологию (Вревеил¹⁶, Вздунал¹⁷).

На с. 463 в ряду разнообразного оружия и боеприпасов, от которых следует обороняться, фигурирует «провилка» («от провилки»). Это, по-видимому, описка, вместо «провокола», которая часто фигурирует в подобных перечнях (имеется в виду рубленая проволока, которую могли использовать вместо дроби).

На с. 470 упоминается невозможность для ведунов и колдунов «гузнами акиянь-морья... выпивать». Мотив, несомненно, комический, шутовской, скоморошеский. Его смысл — унижить враждебных чародеев. Отметим характерную параллель из ВУ: «Буди от моих уст и от моих словес... ежев кожух норицею (язвами в шкуре) строчен, тряскею (лихорадкой) пушен и до пят спущен, ведуном и ведунием, колдуну и колдуние»¹⁸. В обоих случаях речь идет об обнажении нижней части тела («гузнами... выпити», «до пят спущен»).

¹¹ Там же. С. 182.

¹² Там же. С. 158.

¹³ Там же. С. 63, 190, 205.

¹⁴ Там же. С. 61, 257.

¹⁵ Там же. С. 241.

¹⁶ Там же. С. 46.

¹⁷ Там же. С. 155.

¹⁸ Там же. С. 222, 223.

На с. 472 помещен заговор, озаглавленный А. Л. Топорковым «От хищных птиц», в котором, однако, фигурируют ворон, ворона и сорока. Здесь же упоминаются пленки — ловушки на водоплавающих птиц в форме «пленицы». Слово «пленки» см. на с. 321. Форма «пленицы» представляет собой архаизм, церковнославянизм, ср.: «Связан многими ныне пленицами грехов...» (Канон покаянный ко Господу нашему Иисусу Христу, Богородичен, песнь 3). Пленицы упоминаются еще в одном публикуемом в книге заговоре (С. 540).

На с. 480 упоминаются «веденские (то есть венские) кобели». В эпосе обычны упоминания охотничьих собак экзотического происхождения, обычно «меделянских» (т. е. из Милана, Медиолана).

На с. 484, в тексте заговора от червей, упоминается «гусь медян», к которому должны собираться все черви. Напрашивается параллель с популярным библейским «медным змием», который спасал израильтян от ядовитых змей. По-видимому, «гусь медян» оказался в подобной роли первоначально как повелитель гусениц (по этимологическому принципу), а затем его значение было перенесено на сближавшихся и отождествлявшихся с гусеницами червей.

На с. 489, в составе исключительно выразительной подборки пчеловодческих заговоров, фигурирует чудовищный образ пчелы: «Поди ты, моя пчела, ускоревай медьежью силою, волчьими зубами, аленьими рогами, львовыми ногами». См. также с. 490 и комментарии на с. 603, 604. Ср. чудовищных насекомых (саранчу) в Апокалипсисе: «По виду своему саранча была подобна коням... а зубы у ней были как у львов, у ней были хвосты, как у скорпионов» (Откр. 9: 7–10).

На с. 501 вопросом обозначен глагол «съсудогонить (овечку)». Представляется, что это экспрессивная форма от «судогнать» («догнать»), причем экспрессия достигается путем удвоения предлога. Ср. глагол «сугнать» в словаре В. И. Даля.

На с. 507, в охотничьем заговоре, упоминаются «пестрые лисицы, бурмистры росомаги черны...». Представляется, что выпадающее из контекста слово «бурмистры» — явная порча текста. Нет никаких оснований считать росомаху бурмистром среди зверей. Скорее всего, в это слово могло превратиться непонятое слово «бурнастый», обычный эпический эпитет лисиц. Исходный текст может быть реконструирован как «пестрые лисицы бурнастые, росомахи черны». Слово «бурмистры» могло появиться от смешения слов «бурнастый» и «бурмитский» (или «гурмыжский» — постоянный эпитет жемчуга, от г. Ормуз).

На с. 511 в числе хищников, угрожающих скоту, упомянут «проклятый артус». Это слово объясняется на с. 619 из новогреческого названия медведя (в славянской транскрипции «аркуда»). Однако форма «артус» ближе к классической древнегреческой форме «arktos».

На с. 518 находим неясный текст «отговариват от железных языка». Ср. ВУ: «да проговори над ним (куром, то есть петухом) тот железной язык (то есть заговор)»¹⁹.

На с. 520 в воинском заговоре фигурируют «луки слоновые»; в комментарии допускается возможность существования луков из слоновой кости. Скорее всего, речь идет об обычном сложном луке, боевые свойства которого усиливались благодаря наличию костяных накладок.

На с. 522 упоминаются 530 товарищей, за которых произносится воинский заговор. На с. 703 «заговорив дружину 350 человек» (округленное число дней в году?). На с. 730 — 42 товарища. Ср. другие сборники, где заговор произносится за «сколько можно»²⁰, за меня и «детей моих»²¹, за «заговорную дружину»²².

На с. 537 упоминается чудесный лов рыбы (Ин. 21: 1–11). При этом сообщается, что «не поторжесе мрежа» (не порвалась сеть). Очевидно, имеет место контаминация двух евангельских

¹⁹ Там же. С. 188.

²⁰ Там же. С. 70, 198, 207.

²¹ Там же. С. 230–232.

²² Там же. С. 278.

эпизодов, в одном из которых сеть прорвалась («протерзашеся же мрежа их» (Лк. 5: 6)). Аналогичный текст, включающий оба евангельских мотива, представлен в «Суеверной книжице»²³.

На с. 541, в тексте охотничьего заговора, находим «слопешные места», что А. Л. Топорков производит от слова «слоп» (ловушка давящего типа). Это, в принципе, правильно: для таких ловушек более привычно употребление формы «слопец».

На с. 543 находим описание некоего особого кита, по-видимому, обитающего в ином, мифологическом мире: «Не та кит-рыба, которая по воде ходит, а та кит-рыба, на которой земля основана» (ср. «Стих о Голубиной книге»). Подобные «двойники» земных существ, обитающие в ином мире, известны в эпосе:

«Тем стрелы были дороги,
Что перены перьем сиза орла,
Не того сиза орла орловича,
Которой летает по святой Руси...
Того орла орловича,
Который летает по синю морю...»²⁴.

Этот необычный орел может быть связан с фантастической мифологизированной географией:

«...того орла, птицы камския,
Не тыя-то Камы, коя в Волгу пала,
А тоя-та Камы за синим морем,
Своим усьем впала в сине море»²⁵.

Представления о том, что существующие на этом свете реки могут дублироваться в потустороннем мире, были известны еще древним египтянам (представление о подземном Ниле, текущем в загробном царстве).

На с. 544 в текст заговора от зубной боли вставлены слова о литовском короле и русском царе («Месяц, месяц, золоты рога, королю Литва, царю нашему подвселенна вся»). На первый взгляд, пассаж носит характер механической вставки, не связанной с общим контекстом заговора (см. комментарий на с. 647). На самом деле, по-видимому, мы имеем дело с дефектным текстом, в котором выпали некоторые «связки». Месяц в данном случае выступает как повелитель загробного мира, мира мертвых (во всяком случае, известно, что он этот мир регулярно посещает). Литовский король наряду с русским царем — персонажи известной загадки о смерти: «Сидит птица... и говорит: никого не боюсь, ни царя в Москве, ни короля в Литве»²⁶. Мертвецы, обычно совместно с месяцем — постоянные персонажи заговоров от зубной боли.

На с. 548 публикуется молитва перед начинанием всякого дела, тождественная тексту Молитвослова. Едва ли было целесообразно лишний раз воспроизводить этот текст. С другой стороны, существенно, что суеверные тексты могут соседствовать не только с апокрифическими, но и с каноническими, общераспространенными молитвами.

На той же странице фигурируют «преестественные» грехи. В комментарии на с. 650 слово рассматривается как неологизм. На самом деле оно известно в церковнославянском, в частности в гимнографии «Чуда преестественнаго росодательная изобрази пещь образ...» (Рождеств. Ирмос 8 гласа 1).

На с. 579 в библиографической ссылке режет глаза французское название Лондона (Londres), едва ли уместное в публикации на русском языке.

²³ Там же. С. 339.

²⁴ Былины в двух томах / Подг. текста В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов. Т. II. С. 210.

²⁵ Сборник Кириши Данилова / Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901. С. 10.

²⁶ Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941. С. 231; Рыбникова М. А. Загадки. С. 196.

Заключительная, четвертая, часть публикации озаглавлена «Заговоры из рукописей первой половины XIX в.».

На с. 665 упоминается необычное после Никоновских преобразований распределение образов евангелистов (Марк в человеческом образе, Иоанн — в львином), что соответствует старообрядческой традиции.

На с. 669 упомянуты «черкасы», что переводится как «черкесы». Действительно, данный этноним применялся по отношению к адыгским народам, однако он использовался также в качестве обозначения украинцев (в том числе запорожских казаков). В частности, название города Новочеркасск не имеет отношения к народам Кавказа.

Неясно, почему А. Л. Топорков считает, что приведенные на с. 671 слова «Достойно есть», являющиеся началом популярного молитвенного текста (который ему хорошо известен — см. с. 778), в данном случае представляют искажение другого известного литургического текста («Достойно и праведно есть...») — см. комментарий на с. 745.

Испорченный текст «Сна Богородицы» на с. 647 (комментарий — с. 747) «и планиту и дарины» реконструируется однозначно: «и в ланиту ударенный».

На с. 682 находим характерную фразеологию «жарка на жарка... ярка на ярка». Ср. судебное дело 1733 г. «пылка на пылка, ясна на ясна»²⁷.

На с. 683, в составе любовного заговора (присушки), содержится обращение к трем патриархам (!), которые призваны «сушить» объект заговора. Возможно, столь своеобразная функция патриархов связана с особым негативным отношением к церковной иерархии ряда старообрядческих согласий.

На с. 685 произносящий заговор от колдунов молится «на воскованной пол». Эта бытовая деталь свидетельствует или о высоком общественном положении составителя заговора, или о том, что он мог находиться в услужении в богатом доме.

На с. 690 находим необычный для православного молитвенного и богослужебного обихода возглас: «Аминь, аминь, аминь Святому Духу». Ср. с. 693: «Аминь, дунь (трижды)», с. 698: «Аминь Святому Духу». В судебном деле 1734 г. находим: «Аминь (трижды) Царю Небесному»²⁸. Последняя формула нередко встречается в сектантских (хлыстовских) духовных стихах²⁹.

На с. 694 упоминается «декохт». В комментарии на с. 765 сообщается, что это название лекарственного растения. Однако наиболее распространенное значение слова «декокт», «декохт» — отвар, жидкое лекарство.

На с. 695 упомянуто «псе двушербное». Очевидно, следует читать «двушерстное».

На с. 697 читаем: «ездит Господь Бог с копием своим». Отметим, что в иудео-христианской традиции образ Бога в виде всадника не распространен. Как исключение можно указать образ «всадника на белом коне» (Христа) в Апокалипсисе: «И вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук... и вышел он как победоносный, и чтобы победить» (6: 2); «и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный... Из уст же его исходит острый меч» (19: 11, 15). В русских заговорах встречаются образы всадника, стреляющего огненными стрелами из грозной тучи, несомненно, наделенного чертами верховного божества-громовержца³⁰. Копье — необычный атрибут бога-громовержца в славянской традиции. Ср., однако, образ бога-всадника Одина, вооруженного копьем в скандинавской традиции. Данный текст можно рассматривать как свидетельство возможной связи персонажей русских былин (в частности Ильи Муромца) с пантеоном верховных божеств. В том же заговоре в качестве орудия, которым Господь заключает

²⁷ ОЧ. С. 133.

²⁸ Там же. С. 111.

²⁹ Там же. С. 483, 484, 491.

³⁰ Там же. С. 109, 110, 256.

(останавливает) кровь, фигурирует «солица», очевидно, здесь следует читать архаичное «сулица» (т. е. то же копые).

На с. 702 после магического расчленения стрелы фигурирует мотив плавающего камня. Очевидно, это свидетельство того, что первоначально оба мотива могли быть непосредственно связаны³¹.

На с. 714 описывается путь «ногтя» (болезни скота) по телу животного: «пришел еси... в губу, из губы в ноздри, из ноздрей в чолку, из чолки в передни хрящ, из переднего в задний, из заднего в холку, из холки в колено, из колено в щетку, из щетки в копыто, из копыт в землю». Ср. маршрут порчи в ВУ: «с нашего дитяти на воду, на камень, да с правых ноги на левую, а с левой на землю, на камень»³². Ср. также маршрут недуга в былинно-скоморошине в сб. КД «Гость Терентьище»:

«Расходился недуг в голове,
Разыгрался утин (боль) в хрепте,
Пустился недуг к сердцу,
А пониже ее пупечка,
Да повыше коленечка»³³.

Любопытная фольклорная параллель — путь козьего молока из сказочного сюжета «Волк и семеро козлят»: «Бежит молоко по вымечку, из вымечка в копытечко, из копытечка в сыру землю» (Сб. Афанасьева. № 53, 54).

Отметим, что в древней молитве от уster'ы-дны имеется мотив сдвигающейся с места части тела / болезнетворного демона.

На той же странице упоминается «заложный» — нечистый покойник, традиционно вызывавший суеверные опасения.

На с. 720 начальная часть заговора, озаглавленного издателем «На власть имущих», явно относится к числу воинских, от вражеского оружия.

На с. 727 находим помещенные подряд два практически идентичных заговора от импотенции (еще один штрих для характеристики процесса формирования сборников заговоров).

В сноске к с. 729 предложено читать вместо «порах и полки» — «порох и пульки». Последняя поправка едва ли оправдана: полка — деталь кремневого оружия, куда насыпается порох («Сыпь, на полку, наводи» (А. С. Пушкин)); «Мой гренадер приложился... бац!.. мимо; — только что порох на полке вспыхнул» (М. Ю. Лермонтов)). Естественно, владельцу оружия было желательно, чтобы полка оставалась сухой (ср. с. 358).

На с. 732 опубликован заговор на суд, причем это название полностью соответствует содержанию текста заговора. Однако в конце текста имеется указание на его более универсальный характер: оказывается, он годится «и для колдунов, и для разбойников, и для разводу пчел...».

До некоторой степени жаль, что в книге отсутствует словарь лексики публикуемых текстов. В частности, очень любопытен процесс проникновения в архаические заговорные тексты неологизмов, особенно инноваций, связанных с социальной иерархией. Здесь мы находим и «камакеров» (очевидно, камергеров), и «губернаторское присутствие» (в рукописи «присудство» — с. 501), «секретарей» и «канцеляристов» (С. 662), «командиров» (С. 683, 719).

Библиография в рецензируемой книге исключительно обширна. Пожалуй, в связи с наличием в публикации переводной «Таинственной книжки» библиографию можно было бы дополнить известным трактатом Агриппы Неттесгеймского, а также «Молотом ведьм»; вероятно, вместо компиляции Н. М. Максимовича-Амбодика следовало сослаться на ее прототип — петровский «Эмблемат».

³¹ Там же. С. 38, 168, 331, 332.

³² Там же. С. 195.

³³ Сборник Кириши Данилова. С. 6.

Во введении к рецензируемой книге А. Л. Топорков пишет: «Русский Север является родиной классических жанров русского фольклора, таких как былины, духовные стихи, похоронные и свадебные причитания, лирические песни. Хотя мы отмечали выше, что заговоры связаны с рукописной традицией, они имеют и фольклорную составляющую... Сравнивать друг с другом тексты, разделенные несколькими веками и относящиеся к разным жанрам фольклора, не вполне корректно, и все же в наших комментариях отмечены многочисленные переключки между ОС и былинами в записях XVIII и XIX в. (в частности, со «Сборником Кириши Данилова»)» (С. 23). В методическом плане это заявление А. Л. Топоркова никаких возражений не вызывает. Тем более что кроме ОС в рецензируемой книге широко представлен материал, синхронный сборнику Кириши Данилова и даже «Песням собранным П. В. Киреевским» (не забудем о песнях, записанных для Ричарда Джемса еще в 1619 г.). Представляется, что идеи, высказанные А. Л. Топорковым, могут быть признаны не только плодотворными, но и требующими дальнейшего развития.

Изучение лексики, грамматики и синтаксиса заговоров, а также их ритмики, рифмоидов и ассонансов, на мой взгляд, позволяет указать на их особое место в истории русского языка и его диалектных модификаций.

Русские заговоры, бытовавшие как в устной, так и в рукописной традиции, могут рассматриваться как тексты, отражающие существование особой мифопоэтической разновидности языка. Иерархическая таксономическая позиция этого феномена, безусловно, остается дискуссионной. Подобные «языки поэзии» выявлены исследователями для ранних стадий развития ряда индоевропейских языков (например, древнеиндийского, авестийского, древнегреческого и древнеисландского). В русском материале XVII–XIX в. к текстам такого рода могут быть отнесены, кроме заговоров, значительная часть обрядового фольклора, былины, архаические исторические песни, духовные стихи эпического склада, элементы (в том числе устойчивые фразеологизмы) сказок, загадок, пословиц и поговорок. Элементы мифопоэтического языка могут быть найдены и в текстах ряда русских гадательных книг, несмотря на то что они, как правило, представляют собой переводы или их переделки.

Важнейшая особенность таких текстов — их очевидно поэтический характер (безотносительно к тому, имеем мы дело с песенными или непесенными формами). Это последовательный архаизм, феномены ритмики, симметрические и «цепевидные» построения, глагольные и иные рифмы и рифмоиды, игра созвучиями, наконец, любые «деформации» обычной грамматики и синтаксиса с целью добиться максимальной экспрессии.

Отметим такие характерные черты русских заговоров, как использование постоянных эпитетов, ретардация, наличие повторяющихся (дублирующих) мотивов, словосочетаний, элементов тавтологии или близких к ней сочетаний однокоренных слов («секирою сечи», «стрелой стреляти», «тело к телу, кость к кости», «лежанкой не отлежатце, сном не отоспатце, хожанкой не отходитце, беседой не отсидетце, богомолением не отмолитце, крестом не откреститце, дутьем не отдутце, питием не отпитце, ествами не отиститце...» (С. 371)). То же самое можно найти в других фольклорных текстах («пловом пыла... бродком брела», «черным-черно»).

Мифопоэтический язык имеет свои особенности не только в области лексики и ритмики, но и в области грамматических форм. Напомню не встречающуюся в других видах словесности архаичную сказочную глагольную форму «жили-были». В. Ф. Райан справедливо указывает на необычное для обыденной речи использование в заговорах (и песенном фольклоре) формы будущего времени глагола совершенного вида (в современном употреблении) «стану», «пойду» в значении экспрессивной формы настоящего времени³⁴. Эти формы не являются формами будущего времени и в историко-лингвистическом плане. Действительно, и слова песни «Пойду ль я, выйду ль я» не следует понимать как отражающие представление о будущем. Отметим встречающуюся в заговорах неординарную

³⁴ Райан В. Ф. Баня в полночь. Исторический обзор магии и гаданий в России. М., 2006. С. 251.

морфологию. Это, например, «посадикоте» (вместо «посадите-ка») в рукописном заговоре 70-х годов XX в.³⁵ (ср. церковнославянскую форму «молимтися», т. е. «молимся тебе»).

Попытка рассмотреть часть русского фольклорного и внефольклорного материала как особый мифопоэтический язык, естественно, ставит перед нами вопрос о границах этого феномена: насколько мы вправе видеть его черты, скажем, в раешном стихе, в непристойных скоморошинах сборника Кирши Данилова.

Особый интерес представляют вопрос о возможности удревнения феномена, попытки найти его истоки в древнерусской книжности. Здесь есть и свои перспективы, и свои трудности. Прежде всего, летописные рассказы о славянском язычестве и легендарные сказания о древнейших князьях (пожалуй, за исключением рассказа о Святославе) отмечены подчеркнуто прозаическим характером. То же касается и пересказа языческих балтийских мифов (сказание о Совии), и текста наиболее раннего древнерусского магического рецепта³⁶. Возможно, в значительной мере это объясняется стремлением средневековых книжников принизить предания языческой старины.

В то же время в составе той же летописной традиции (прежде всего, в Ипатьевской летописи) можно найти фрагменты, отмеченные фольклоризирующим мифопоэтическим характером. Элементы того же языкового пласта обильно представлены, например, в «Задонщине» и «Молении Даниила Заточника». Древнейшие фрагменты, связанные с этим пластом, могут быть найдены в составе древних юридических формул и «притч», вошедших в текст Повести временных лет: «да не ущитятся щиты своими и да посечени будут мечи своими, от стрел и от иного оружия своего...», «аще ся вводит волк в овце, то выносит все стадо, аще не убьют его», «толи не будет межю нами мира, елико камень начнет плавати, а хмель почнет тонуть...», «беда аки в Родне», «пищаныи волчья хвоста бегают», «высечець исече»³⁷. В двух из приведенных примеров находим игру слов, в последнем — яркий пример аллитерации.

Отметим чрезвычайно любопытный заговор от порчи собаки из лечебника середины XVII в., опубликованный А. А. Туриловым, включающий мотивы, представляющие собой ближайшую параллель текстам «Слова о полку Игореве» и «Задонщины»: «Ты еси вода, ты еси чистота. Течеши из моря сквозе землю Русскую и Половецкую, под землею... и по подкамению и по подкорению...»³⁸. Ср.: «О, Днепре Словутицю...»; «Доне, Доне, быстрый Доне! Прорыл еси каменные горы, пробил еси берега харалужные, прошел землю Половецкую...»; «Москва, Москва, река быстрая». Сходные обращения к рекам представлены в ряде заговоров рецензируемой книги (С. 335, 471, 472).

При рассмотрении вопроса о соотношении русских мифопоэтических текстов XVII—XIX в. с древнерусской книжной традицией необходимо отметить недостаточную изученность формальных и художественных особенностей славянских переводов поэтических текстов в составе библейских книг (прежде всего Псалтыри), а также памятников переводной гимнографии; наконец, оригинальных памятников древнерусской гимнографии. Значительный интерес представляет также вопрос о соотношении народной мифопоэтической традиции с книжной риторикой (имеется в виду пресловутое «плетение словес» и предвосхищающие его феномены в более ранней книжности, например в сочинениях митрополита Илариона и Кирилла Туровского).

Мифопоэтический язык мог быть отмечен известной независимостью по отношению к реальным народным диалектам. Напомню, что гомеровский диалект нередко характеризуют как смешение разнородных диалектных признаков. Любопытно, что и язык западнофинских заговоров ОС, по мнению ряда финноугроведов, отмечен промежуточным диалектным положением. По поводу русских магических текстов можно лишь отметить, что они могли распространяться на большие расстояния, преодолевая диалектные границы. Так, у рядового Преображенского

³⁵ ОЧ. С. 550.

³⁶ Там же. С. 539–541.

³⁷ ПСРЛ. М., 1962. Т. I. С. 48, 53, 55, 84, 202.

³⁸ ОЧ. С. 375.

полка был обнаружен заговор, по словам владельца, полученный им от запорожского казака³⁹. Наддиалектный характер духовных стихов связан с тем, что их распространяли бродячие исполнители — «калики перехожие». Характерные ударения «высо́ко» и «высоко́», по-видимому, исторически восходят к разным диалектам. Однако в известной народной песне, принадлежащей к общерусскому репертуару, встречается и то и другое:

Ты лети, лети, мой сокол, высоко и далеко,
И высоко и далеко, на родиму сторону...

Специфика акцентуации мифопоэтических текстов общеизвестна. Достаточно напомнить, что такие слова, как «девица» и «молодец», в обиходной речи, с одной стороны, и в языке сказок и былин — с другой, имеют различные ударения. Показательно наличие в одном из публикуемых заговоров типичной сказочной формы «мудренее» (С. 528).

Здесь же уместно напомнить, что древнейшие записи русских былин в сборнике Кириши Данилова отмечены яркими чертами акающего диалекта, в то время как большая часть русского эпоса связана с Русским Севером, с окающими диалектами.

Думается, что учение М. В. Ломоносова о «высоком штиле» было не только заимствованием из программных сочинений западного классицизма, но также отражением реалий современного ему русского, в том числе простонародного, языка, в котором, безусловно, существовал особый, торжественный, возвышенный склад речи.

Огромный и исключительно важный материал, опубликованный в рецензируемой книге, представляет собой ценнейший вклад в изучение духовного мира наших предков, его наиболее сокровенных, заветных пластов. Исследование этих текстов открывает возможность реконструкции широкой панорамы народных верований, ретроспективного изучения древнейшей мифологии славян. Перед большим коллективом исследователей стоит задача анализа и осмысления множества отдельных сюжетов, восстановления архаического мировоззрения, длительная кропотливая работа, в результате которой мозаика источников могла бы превратиться в цельную картину, с тем чтобы в ней, наконец, согласно древним предписаниям, срослись «тело с телом, кость с костью, жила с жилою».

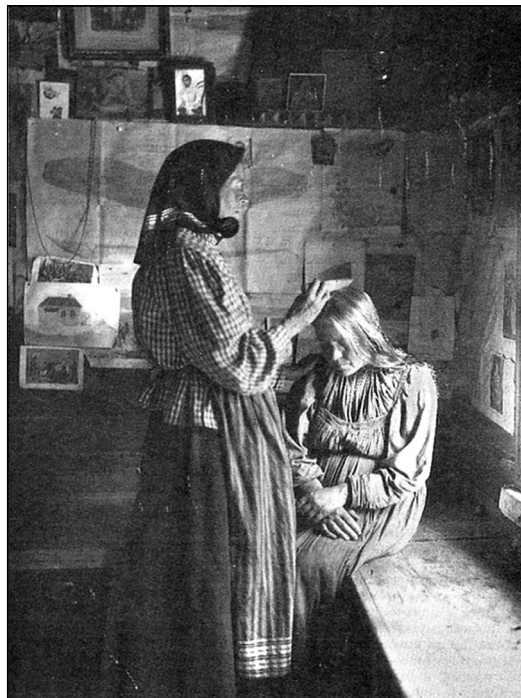

Рис. 5. Знахарка лечит припадочную, чертит ножом на ее голове знамение креста.
Рязанская губ., Касимовский уезд. 1914 г.

³⁹ Там же. С. 141, 142.

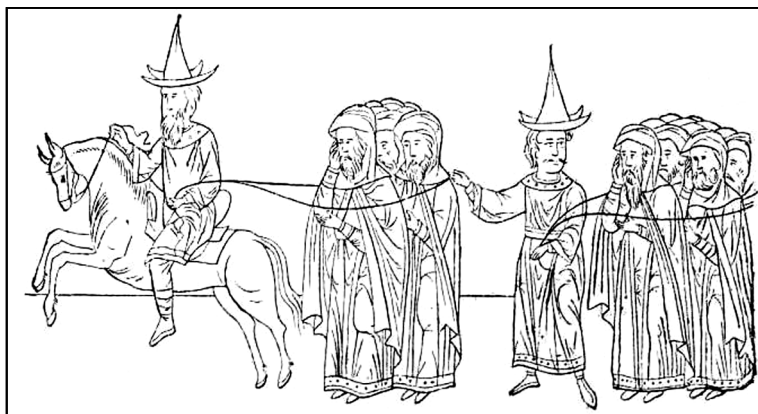

Рис. 6. Всадник ведет пленников в тороках. Рисунок пером на полях Псалтыри XVII в.
(к слову «торока»)